

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 2. С. 75–88.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 75–88.

Научная статья
УДК [81.373:811.134.2](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V501

Вербальные и невербальные формы рутинизации травматического опыта франкизма в коллективной памяти испанцев

Юлия Андреевна Горностаева

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия,
e-mail: yulyatald@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

Аннотация. Статья посвящена изучению форм рутинизации травматического опыта, связанного с диктатурой Франсиско Франко, в господствующем нарративе, которые формируют социально-мемориальный каркас коллективной памяти испанцев и определяют их постфранкистскую демократическую коллективную идентичность. Актуальность исследования связана с возможностью установить новые причинно-следственные связи в процессах самоидентификации и формирования коллективной идентичности испанцев посредством анализа языковых и неязыковых форм рутинизации травмы. Новизна работы состоит в комплексном междисциплинарном исследовательском подходе, объединяющем две научные концепции – культурной травмы и коллективной памяти. Рутинизация травматического опыта в устных нарративах отражает полярность мнений испанцев относительно режима Франко: оценка событий во многом обусловлена личными или семейными воспоминаниями об эпохе франкизма, и это проявляется использованием как нейтральной лексики, так и оценочных языковых единиц с противоположными коннотациями. Закон о демократической памяти 2022 года, выступающий в качестве письменной институционализованной формы рутинизации, представляет режим Франко исключительно негативно (об этом, например, свидетельствует репрезентация лексико-тематических групп «Политические преступления», «Диктатура», «Фашизм»), актуализируя идею о необходимости перехода к политике памяти после многолетнего курса забвения. При рутинизации травматического опыта в символических мемориальных формах наблюдается исключение всех сохранившихся объектных источников прошлого, связанных с личностью каудильо, из социально-мемориального каркаса коллективной памяти и создание новых мемориалов о гражданской войне, выступающей важной трагической вехой эпохи франкизма. Анализ репрезентации культурной травмы в коллективной памяти позволяет представить, как травматические события формируют долговременные структуры общественного сознания, а также указывает на то, что господствующий нарратив является одновременно способом репрезентации событий прошлого и инструментом их осмысления. Перспективным направлением для развития данной темы является изучение форм рутинизации травматического опыта в коллективной памяти представителей других лингвокультур, на самоидентификацию которых оказали влияние фашистские идеологии.

Ключевые слова: франкизм, диктатура Франсиско Франко, Испания, дискурс травмы, языковая репрезентация культурной травмы, коллективная память испанцев, рутинизация травматического опыта, господствующий нарратив

Для цитирования: Горностаева, Ю. А. Вербальные и невербальные формы рутинизации травматического опыта франкизма в коллективной памяти испанцев / Ю. А. Горностаева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 75-88. DOI: 10.37482/2687-1505-V501

Original article

Verbal and Non-Verbal Forms of Routinization of the Traumatic Experience of Francoism in Spanish Collective Memory

Yuliya A. Gornostaeva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,

e-mail: yulyatald@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

Abstract. This article examines the forms of routinization of traumatic experience associated with the dictatorship of Francisco Franco within the master narrative. These forms shape the socio-memorial framework of the collective memory of the Spanish people and determine their post-Francoist democratic collective identity. The relevance of this research lies in attempting to establish new causal relationships in the processes of self-identification and development of Spanish collective identity through analysis of linguistic and non-linguistic forms of trauma routinization. The novelty of the paper is determined by the comprehensive interdisciplinary approach that integrates two scientific concepts: cultural trauma and collective memory. The routinization of traumatic experience in oral narratives reflects the polarity of Spanish opinions regarding Franco's regime: they are largely conditioned by personal or family memories of the Francoist era. This is manifested through the use of both neutral vocabulary and evaluative linguistic units with opposing connotations. The Law of Democratic Memory of 2022, serving as a written, institutionalized form of routinization, casts Franco's regime in a completely negative light (evidenced, for example, by such lexical thematic groups as "Political Crimes", "Dictatorship" and "Fascism"), thereby actualizing the need for a transition to a politics of memory after decades of a politics of oblivion. The routinization of traumatic experience through symbolic memorial forms involves excluding all remaining objects of the past associated with the figure of the Caudillo from the socio-memorial framework of collective memory and creating new memorials dedicated to the Civil War, which is a crucial tragic milestone of the Francoist era. An analysis of the representation of cultural trauma in collective memory demonstrates how traumatic events shape long-term structures of public consciousness. Moreover, it indicates that the master narrative functions simultaneously as a means of representing past events and as a tool for their interpretation. A promising line of further research into this topic is the study of forms of trauma routinization in the collective memory of representatives of other linguistic cultures whose self-identification has been influenced by fascist ideologies.

Keywords: Francoism, Francoist dictatorship, Spain, trauma discourse, linguistic representation of cultural trauma, collective memory of Spaniards, routinization of trauma, master narrative

For citation: Gornostaeva Yu.A. Verbal and Non-Verbal Forms of Routinization of the Traumatic Experience of Francoism in Spanish Collective Memory. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 75–88. DOI: 10.37482/2687-1505-V501

Введение

Травматическая память способна передаваться из поколения в поколение, а опыт прошлых травм может вновь актуализироваться в настоящем, проявляясь через определенные формы коллективного поведения. Следы культурных травм прошлого находят отражение в общественно-политической жизни сегодня и становятся ключевым элементом коллективной идентичности. Для испанцев травмирующим событием, укоренившимся в коллективной памяти народа, стал период правления Франсиско Франко (1939–1975), а многие современные политические события воспринимаются через призму почти 40-летнего авторитарного режима каудильо.

Цель данного исследования – рассмотреть социально-мемориальный каркас коллективной памяти о франкизме, проанализировав процесс рутинизации культурной травмы в устных нарративах, письменных институционализированных и мемориально-символических формах, выявив ключевые травмирующие паттерны и узлы памяти, ставшие основой новой демократической коллективной идентичности испанцев.

Новизна работы обусловлена комплексным междисциплинарным исследовательским подходом, объединяющим две научные концепции – культурной травмы и коллективной памяти – и направленным на выявление разнообразных форм рутинизации травматического опыта, связанного с франкизмом, которые используются для конструирования социально-мемориального каркаса коллективной памяти испанцев.

Культурная травма и коллективная память в фокусе лингвистики

Культурная травма представляет собой сложный длительный социокультурный процесс, который перестраивает идентичность и коллективное восприятие истории за счет за-

крепления последствий травмы в нарративах и символах, формируя коллективную память. Травматическое историческое событие сохраняется в коллективной памяти, если влияет на определенный коллектив – целую нацию или социальное меньшинство [1, с. 43]. С точки зрения лингвистики культурная травма – это исторический опыт группы или общества, связанный с последствиями травмирующего события и репрезентированный в языке [2].

Память является социальной конструкцией, несущей в себе ценности и смысл произошедших событий [3], сохраняя из них лишь те, которые соответствуют текущим интересам и ценностям общества, поэтому конструирование памяти происходит только в процессе социализации индивида [3–6]: социальная группа формирует рамки памяти, в которых человек может осмысленно реконструировать прошлое [6].

Чтобы коллективная травма стала культурной, а историческая память – коллективной, обществу необходимо пройти несколько этапов признания факта нанесения травматического культурного ущерба: 1) осмысление – отнесение некоего события к категории травмирующих; 2) проговаривание – использование «языка травмы» и формирование господствующего нарратива; 3) рутинизация – манифестация и трансляция травматического опыта последующим поколениям через закрепление и отражение последствий травмирующего события в искусстве, средствах массовой информации, литературе, политике, законодательстве посредством культуuroобразующих институциональных пространств, к которым можно отнести следующие формы: устные (фольклор, нарративы, ксенонарративы), письменные (учебники, пособия, литературные произведения, статьи, дневники, законы, отчеты) и мемориально-символические (музеи, исследовательские центры, выставочные экспозиции, мемориалы, памят-

ники, традиции, ритуалы, празднования); 4) пересмотр идентичности – переосмысление коллективного прошлого, ведущее к появлению новых доминирующих структур и ценностей, посредством которых отвергается старая и конструируется новая коллективная и культурная идентичность народа, а память переходит из статуса исторической в статус коллективной. Так в обществе создается новый критический мотив – «дискурс травмы», который составляет социально-мемориальный каркас коллективной памяти и позже дополняется индивидуальными воспоминаниями [7–11].

Коллективная память поддерживает и создает предположение о постоянстве и непрерывности явлений, тем самым задавая горизонт, рамки и пространство возможного настоящего и будущего [12]. Травма и идентичность закреплены в коллективной памяти народа и передаются последующим поколениям при ее реконструировании.

В рамках настоящего исследования язык травмы понимается как особое языковое выражение психологических переживаний вследствие социально-значимого травмирующего события, конструирующее господствующий нарратив (master narrative) о травме [1]. Господствующий нарратив представляет собой сложное многозначное символическое пространство реконструирования коллективной памяти, в котором Дж. Александер выделяет следующие типы репрезентации: 1) природа боли (отражает суть травматического опыта); 2) природа жертвы (описывает группу людей, пострадавших от травмирующего события); 3) связь жертвы травмы с более широкой аудиторией (проявляется в степени единства членов травмированного общества с непосредственными жертвами травмирующего события); 4) возложение ответственности (описывает группу антагонистов, несущих ответственность за травмирующее событие) [7, с. 12–15]. Данные языковые аспекты служат продуктом символического и социального конструирования коллективной идентичности и памяти народа. Память о травматических событиях избирательна

и является результатом осознанного выбора общества, поэтому некоторые аспекты прошлого превращаются в памятный узел и становятся основой коллективной идентичности, а другие намеренно вытесняются. Важным механизмом закрепления травмы в общественном сознании является ее интеграция в официальные исторические нарративы и мемориально-символические формы – в школьные программы, литературу, искусство и публичные дискуссии [3].

Репрезентация культурной памяти в испанском языке изучена в ряде работ отечественных исследователей-испанистов. Так, выделяются лингвокогнитивные паттерны памяти в институциональном дискурсе власти, а публичная коммеморация рассматривается как часть государственной политики, направленной на актуализацию определенного исторического события в коллективной памяти [13]. Описывается языковая специфика культурно-исторической памяти испанцев (лингвокультурологические элементы, отражающие ключевые исторические события), рассматриваемая как фундаментальный компонент публичной репрезентации, благодаря которому индивид чувствует принадлежность к определенной социальной группе [14]. Гражданская война, которая привела к установлению режима Франко, является важнейшим событийным референтом, культурно-исторической вехой как в процессе публичной коммеморации, так и в рамках конструирования коллективной памяти испанцев.

Франкизм в Испании как культурная травма

Испания в 1930-е годы переживала глубокий политический кризис. Республиканский режим, установившийся после свержения монархии в 1931 году, столкнулся с политической поляризацией. 17 июля 1936 года группа офицеров организовала военный переворот против республиканского правительства, а 18 июля в стране началась гражданская война, во время которой сосуществовали две власти – республиканская и военно-националистическая [15–17]. По завершении гражданской войны к власти пришел Франсиско Франко, режим которого характеризовался антикоммунистиче-

ской направленностью, значительной ролью католической церкви, неприятием либеральной демократии, а также сочетанием консервативных ценностей с радикальной правой риторикой [15; 18].

Первые годы правления Ф. Франко отмечены репрессиями и борьбой с национальной и региональной идентичностью. Период с 1945 по 1960-е годы становится временем стабилизации и трансформации режима: внутренняя политика характеризуется экономическими реформами, направленными на либерализацию экономики [19, с. 287–288]. С 1950-х годов вводится новый политический курс, сближающий Испанию с западными государствами [20, с. 368–369].

Таким образом, с началом политики жестких репрессий и унификации страны народу Испании была нанесена глубокая культурная травма, теперь уже отражавшая не только события самой гражданской войны, но и ее последствия [21].

Сам факт нанесения культурной травмы в разные исторические периоды подвергался коллективному оспариванию и отрицанию [1, с. 38–39]. После смерти Ф. Франко восприятие памяти о гражданской войне и франкизме стало подстраиваться под идеологические установки правящей партии. Подобные «войны памяти» определяют испанские общественные настроения и значительную часть политического дискурса [22]. Так, демократический переход в конце 1970-х годов ознаменовался введением негласного запрета на обсуждение диктатуры [14], был принят Пакт о забвении (юридически закреплен в Законе об амнистии 1977 года¹), который помог предотвратить новые внутригосударственные конфликты. Закон об амнистии позволил виновным в политических преступлениях избежать преследования [18].

В начале XXI века возобновился интерес к восстановлению памяти, который поддерживался правящей на тот момент Испанской социалистической рабочей партией. Закон об исторической памяти 2007 года² открыл пространство для обсуждения событий гражданской войны и франкизма [14].

В 2022 году по инициативе председателя правительства Испании П. Санчеса был принят Закон о демократической памяти³, который, по мнению многих, использовался им как козырь в политической борьбе. Народная партия и партия «Вокс» выступали против законопроекта, настаивая на том, что он может усилить внутривластное напряжение [22], а некоторые воспринимали его как фальсификацию истории [23].

Анализ форм рутинизации травматического опыта испанцев, связанного с франкизмом

Эмпирическое исследование посвящено анализу процесса рутинизации травматического опыта, связанного с франкизмом, в устных нарративах, в письменной институционализированной форме (на примере Закона о демократической памяти), а также в мемориально-символических формах. Выбор материала исследования обусловлен стремлением описать все формы рутинизации травмы – устные, письменные институционализированные и мемориально-символические. Последние хоть и не входят в пространство языкового реконструирования коллективной памяти, но отражают идеологически маркированные мировоззренческие паттерны, характерные для определенного периода развития государства и напрямую влияющие на процесс рутинизации.

Так, на первом этапе работы происходил сбор нарративных интервью на испанском язы-

¹La Ley de amnistía. 1977. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1977-24937> (дата обращения: 26.10.2025).

²Ley de memoria histórica. 2007. URL: <https://cle.ens-lyon.fr/espagnol/civilisation/histoire-espagnole/guerre-civile-et-dictature/la-ley-de-memoria-historica> (дата обращения: 26.10.2025).

³Ley de Memoria Democrática. 2022. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2022/BOE-A-2022-17099-consolidado.pdf> (дата обращения: 30.07.2025).

ке, в центре внимания которых находились личность Ф. Франко, его режим правления или события, происходившие в Испании в период его правления. Приоритет отдавался нарративам людей, которые жили в эпоху франкизма или слышали о нем в детстве от ближайших родственников. Все интервью взяты с видеохостинга YouTube⁴. Общая продолжительность анализируемого материала – 120 мин. Возраст респондентов – от 30 до 75 лет.

Установлено, что устная рутинизация находит воплощение в двух ключевых типах господствующих нарративов – в нарративах, где дается преимущественно негативная оценка событиям франкизма, а также в нарративах с нейтрально-положительной тональностью (табл. 1). Памятным узлом, превращающим травматический опыт в основу коллективной идентичности, становится гражданская война в Испании, с которой началась эпоха франкизма. Опосредованное переживание событий через воспоминания о родственниках, живших при режиме Франко, выстраивается на повествованиях о тяготах жизни семей респондентов. Сам политический режим характеризуется через описание запретов, которые вынуждены были соблюдать испанцы, чтобы не стать жертвами репрессий. Некоторые респонденты не хотят прямо отвечать на вопросы о режиме, прибегая к стратегии забвения, поскольку воспоминания

на данную тему вызывают у них негативные эмоции.

Часть респондентов выражает нейтральную или даже положительную оценку действиям Франко: они конструируют альтернативную картину реальности, в которой франкистский режим представлен как период стабильности и порядка, он противопоставляется другим политическим режимам и идеологиям – демократии и коммунизму, которые, в свою очередь, дискредитируются авторами нарративов.

На втором этапе в качестве письменного институционализированного источника было выбрано действующее испанское законодательство, связанное с франкистским режимом, а именно Закон о демократической памяти, изданный в 2022 году после длительной политики забвения (табл. 2). Анализ законодательного акта позволяет выявить ряд ключевых механизмов репрезентации травматического опыта. Так, природа боли объективируется посредством лексических единиц с семантикой физических и психических страданий, а также включения терминосистемы, описывающей политические преступления. Природа жертвы эксплицируется через номинацию социальных и политических групп, подвергшихся репрессиям (оппозиция, профсоюзы, региональные элиты, этнические меньшинства). Связь травмы с аудиторией конструируется на основе оппозиции «память vs забвение» для вовлечения общества в процесс исторической рефлексии.

---

⁴Интервью 1: ¿Qué saben los españoles sobre el Franco y el franquismo? 2019. URL: <https://youtu.be/3hsONPcLN2Y?si=Zk7FkAsEqqU-Owg6> (дата обращения: 20.02.2026); интервью 2: Señora franquista y exaltada. 2015. URL: https://youtu.be/zFS_FamZNoA?si=zefpbbpFqYdtXP1 (дата обращения: 20.02.2026); интервью 3: Entrevista: opinión sobre Franco y el Franquismo desde la visión de una mujer. 2015. URL: https://youtu.be/9WwR0PG4_OM?si=pRU1x1rp81PptCgG (дата обращения: 20.02.2026); интервью 4: Película con entrevistas. Franquismo. 2012. URL: https://youtu.be/n_36RASvpR4?si=fQebUokaTUlbGVmC (дата обращения: 20.02.2026); интервью 5: Entrevista sobre el Franquismo. 2014. URL: <https://youtu.be/cFwTwiZNUlg?si=Tra67JqZEYvYQqpf> (дата обращения: 20.02.2026); интервью 6: Entrevista sobre el Franquismo. 2013. URL: <https://youtu.be/-YF4fcjue0E?si=8cvBA7BNBTQBibdz> (дата обращения: 20.02.2026); интервью 7: Entrevista Guerra Civil Española Franquismo. 2020. URL: https://youtu.be/AHjRyziLXxU?si=VuYrcT_zyLcMWh8t (дата обращения: 20.02.2026); интервью 8: El padre de Jordi Wild explica cómo se vivía y se crió en una dictadura como la de Franco. 2021. URL: <https://youtu.be/4NIyKLjz5X4?si=YS9GD6HBPA0ZUDmH> (дата обращения: 20.02.2026); интервью 9: ¿Qu opinan los españoles sobre el campo? 2024. URL: https://youtu.be/LjgSvgPn5D0?si=a_YJhNe3uu0I1bK8 (дата обращения: 20.02.2026); интервью 10: Entrevista sobre el Franquismo. 2009. URL: <https://youtu.be/fvvCtI-IVDQ?si=stU1-1ASXKCVmivM> (дата обращения: 20.02.2026).

Рутинизация травматического опыта франкизма в устных нарративах испанцев
 Routinization of the traumatic experience related to Francoism in Spanish oral narratives

Аспект рутинизации	Примеры	Языковые репрезентанты
Стратегия забвения	<p><i>Muy mal porque me parece que no hay que remover la historia.</i> <...> <i>Muy mal. Hay que dejar a Franco y a todos los muertos en sus tumbas.</i> «Это очень плохо, потому что, я считаю, не нужно ворошить историю. <...> Это очень плохо, нужно оставить Франко и всех мертвых в их могилах» (интервью 1, при ответе на вопрос об эксгумации останков Франко из Долины Павших)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Отрицательная оценочная лексика, демонстрирующая отношение к эксгумации останков Франко: <i>muy mal</i> (очень плохо) и т. д. – Метафорические выражения с семантикой нежелания менять что-либо: <i>dejar en tumbas</i> (оставить в могилах), <i>remover la historia</i> (ворошить историю)
Отрицательная оценка франкизма	<p><i>Es que mucha gente dice con Franco se vivía bien. No se vivía bien. Si tú no te metías los días y los toros podría seguir al barrio chino de Barcelona podría sal al cine podías, pero no hablar de política.</i> «Многие люди говорят: “При Франко жилось хорошо”. Нет, хорошо не жилось. Если ты ни во что не вмешивался – да, мог жить. Мог пойти на корриду, мог пойти в “китайский квартал” Барселоны, мог сходить в кино. Но говорить о политике было нельзя» (интервью 2).</p> <p><i>Puedo decir directamente como me desperté el 18 de julio de 1936 fue precisamente un ruido espantoso que yo no había oído hasta ese momento jamás era unos cañonazos que procedían de un cuartel relativamente cerca de donde yo vivía yo vivía en Madrid soy madrileño y al despertarnos inmediatamente vi que mi padre se marchaba y fue impresionante verle cuando volvió que venía con un mono de color caqui y un fusil en su mano y va decía él a defender la república porque había habido un ataque, había habido un golpe de Estado.</i> «Я проснулся 18 июля 1936 года от ужасного шума, которого никогда раньше не слышал – это были пушечные выстрелы, доносившиеся от полигона, находившегося относительно недалеко от моего дома. Я жил в Мадриде. Когда мы проснулись, я сразу увидел, как мой отец уходил. Я был поражен, когда он вернулся – он был одет в темно-зеленую форму и держал в руках винтовку, и он говорил, что идет защищать республику, потому что произошел государственный переворот» (интервью 3).</p> <p><i>Mi abuelo, por ejemplo, que vivía en una zona republicana, pues en Yátova pues allí lo que se vivió mucho era que era gente encarcelada por ser republicano.</i> <...> <i>El día que murió Franco nos dieron fiesta.</i> «Например, мой дедушка жил в республиканской зоне, в Ятова, и там часто происходили аресты людей просто за то, что они были республиканцами. <...> В день смерти Франко нам устроили праздник» (интервью 6)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Негативные оценочные языковые единицы при описании франкизма, нередко гиперболизированные: <i>muy muy mal</i> (очень-очень плохо), <i>hasta tal punto</i> (до такой степени), <i>situación tan insostenible</i> (ситуация настолько невыносимая), автокоррекция с лексическим повтором: <i>...se vivía bien. No se vivía bien...</i> – Выражение природы боли посредством лексических единиц из ЛПГ «Политические репрессии» при описании специфики франкистского режима: <i>no hablar de política</i> (не говорить о политике), <i>no meterse</i> (никуда не лезть), <i>fusilamientos</i> (расстрелы), <i>encarcelada</i> (арестованная), <i>captar</i> (поймать). – Описание реалий жизни страны, погруженной в гражданскую войну: <i>golpe de estado</i> (государственный переворот), <i>cañonazo</i> (пушечный выстрел), <i>fusil</i> (винтовка), <i>ser evacuado</i> (быть эвакуированным), <i>se escapaba</i> (сбегал), <i>intentando mantener la familia</i> (попытка прокормить семью в тяжелое время), <i>no tenían comida</i> (у них не было еды), <i>les quitaban parte de la cosecha</i> (у них забирали часть урожая). – Эмотивы, указывающие на эмоцию страха: <i>espantoso</i> (ужасный), <i>terrible</i> (ужасно). – Лексика, актуализирующая идею о том, что события франкизма невозможно забыть, и подтверждающая их высокую значимость: глагол <i>olvidar</i> (забыть) в сочетании с наречием <i>imposible</i>, гиперболизированные обобщения <i>todo el mundo</i> (абсолютно все) и <i>todos</i> (все) в сочетании с глаголом <i>hablar</i> (говорить) при упоминании войны. – Указание на связь жертвы травмы с более широкой аудиторией – рассказы о семьях респондентов, переживших ужасы гражданской войны и франкизма, которые вербализованы ЛПГ «Семья»: <i>padre</i> (отец), <i>abuelo</i> (дедушка), <i>tío</i> (дядя), <i>hijos</i> (дети), <i>familia</i> (семья)

Аспект рутинизации	Примеры	Языковые репрезентанты
<p>Нейтральная или положительная оценка франкизма</p>	<p><i>Pero el día 5 de mayo de ese mismo año empezaron a arder en Madrid todas las iglesias y conventos. Empezaron a quemar iglesias, a matar curas. Entonces era una situación tan insostenible, piensa que llegaron a matar cerca de 7.000. Entonces, claro, tenía que alguien dar un golpe de estado.</i> «5 мая того же года в Мадриде начали гореть все церкви и монастыри. Начали сжигать церкви, убивать священников. Ситуация стала настолько невыносимой... Представь, что было убито около 7000 человек. Тогда, конечно, кто-то должен был совершить государственный переворот» (интервью 5).</p> <p><i>Pero yo sé que antiguamente se podía dejar la casa abierta y ahora no se puede dejar.</i> <...> <i>Yo nunca lo puedo criticar ni a favor porque no he vivido, pero sé que hay gente que dice que ha vivido muy bien esa época y gente que totalmente opuesta que dice que ha vivido supermal.</i> «Но я знаю, что раньше можно было оставлять дверь дома открытой, а сейчас уже нельзя. <...> Я не могу его ни критиковать, ни поддерживать, потому что я этого не пережил. Но я знаю, что есть люди, которые говорят, что жили тогда очень хорошо, а есть и совершенно противоположные, которые говорят, что тогда жили суперплохо» (интервью 8).</p> <p><i>Por ejemplo por mi familia sí que era bueno o sea que yo vivía entonces mejor que vivo.</i> <...> <i>Era pues los ricos vivían bien los intermediarios también y luego los pobres trabajando con los ricos, pero se vivía bien.</i> «Например, для моей семьи он был хорошим. Я тогда жила лучше, чем живу сейчас. <...> Ну, богатые жили хорошо, зажиточные тоже, а бедные работали на богатых, но все равно жилось хорошо» (интервью 9).</p> <p><i>Franco encontró una España destruida, deshecha, llena de piojos, llena de cadáveres, saqueada miserablemente por el comunismo y la masonería y nos dejó una España maravillosa, una España arriba una patria limpia llena de alegría. Y nos lo han destruido normal dejan llena de terrorismo, de miseria de anarquía. Están destrozando todo. Los impuestos nos destruyen. Nos dais atentado. ¡Defendamos a España! ¡Defendamos nuestro caudillo! que sacrificó su vida por la patria.</i> «Франко принял Испанию разрушенной, разваленной, полной вшей, заваленной трупами, позорно разграбленной коммунизмом и масонством, а оставил нам чудесную Испанию – возрожденную, чистую Родину, полную радости. И все это нам разрушили. Теперь все погрузилось в терроризм, нищету, анархию. Они уничтожают все. Налоги нас разоряют. Вы нам устраиваете теракты. Защитим Испанию! Защитим нашего каудильо! Он пожертвовал своей жизнью ради Родины!» (интервью 10)</p>	<p>– Прием антитезы при сравнении франкистской, более благополучной (со слов респондентов) эпохи с настоящим: <i>ahora</i> (сейчас) – <i>antes</i> (раньше), <i>ahora</i> (сейчас) – <i>entonces</i> (тогда), <i>no se puede dejar</i> (нельзя оставить открытой) – <i>se podía dejar la puerta abierta</i> (можно было оставить дверь открытой); сравнительные конструкции <i>vivía mejor que vivo</i> (жила лучше, чем живу), <i>no había tanto delincuente como hay ahora</i> (не было столько преступности, как сейчас); на уровне грамматики противопоставление Pretérito Imperfecto и Presente.</p> <p>– Выражение нейтрального отношения упоминанием различных мнений о франкизме: <i>criticar</i> (критиковать) – <i>a favor</i> (поддерживать), <i>supermal</i> (суперплохо) – <i>muy bien</i> (очень хорошо).</p> <p>– Описание преступлений, которые совершали оппоненты Франко – республиканцы, дискредитирующее их и одновременно легитимирующее действия самого каудильо: <i>quemar iglesias</i> (сжигать церкви), <i>matar curas</i> (убивать священников), <i>los rojos se portaron muy mal con la gente</i> (красные вели себя очень плохо с людьми), <i>muchas calamidades</i> (множество бедствий), <i>muchas injusticias</i> (много несправедливости), <i>le dieron una paliza perdida</i> (его (священника) избили до полусмерти).</p> <p>– Выражение необходимости государственного переворота глагольной перифразой <i>tener que</i> (должен был).</p> <p>– Положительная оценка франкизма при помощи соответствующих языковых единиц: <i>Franco me ha gustado</i> (Франко мне нравился), <i>se vivía muy bien</i> (жилось очень хорошо), <i>vida llena de alegría</i> (жизнь, полная радости), <i>maravillosa</i> (чудесная), <i>arriba</i> (возрожденная), <i>limpia</i> (чистая).</p> <p>– Актуализация эмоций грусти и сожаления по поводу смерти Франко: <i>murió en una habitación miserable</i> (умер в жалкой палате), <i>sacrificó su vida</i> (пожертвовал своей жизнью).</p> <p>– Использование негативных языковых единиц для описания жизни при демократии: <i>terrorismo</i> (терроризм), <i>miseria</i> (нищета), <i>anarquía</i> (анархия).</p> <p>– Оппозиция «свой-чужой»: <i>nos dais atentado</i> (вы нам устраиваете теракты), <i>están destrozando todo</i> (они все уничтожают), <i>nos están arruinando</i> (они нас разрушают).</p> <p>– Аппелляция к ценности патриотизма, побуждение к действиям при помощи лозунгов: <i>¡defendamos a España!</i> (защитим Испанию!), <i>¡defendamos nuestro caudillo!</i> (защитим нашего каудильо!), <i>¡vencimos y venceremos!</i> (мы победили и победим!)</p>

Примечание: ЛТГ – здесь и в табл. 2 лексико-тематическая группа.

Таблица 2

Рутинизация травматического опыта франкизма в Законе о демократической памяти
(*Ley de Memoria Democrática*, 2022)

Routinization of the traumatic experience of Francoism in the Law of Democratic Memory
(*Ley de Memoria Democrática*, 2022)

Тип репрезентации	Примеры	Языковые репрезентанты
Природа боли	<p><i>Las graves y profundas heridas que había sufrido la sociedad española durante la guerra y los cuarenta años de dictadura franquista.</i> «Серьезные и глубокие раны, которые были нанесены испанскому обществу во время войны и сорока лет франкистской диктатуры».</p> <p><i>La justa demanda de verdad que reivindican los afectados por la polio, efectos tardíos de la polio y post-polio, que sufrieron las consecuencias de decisiones, carentes de cualquier mecanismo de transparencia o control social y democrático, de un régimen dictatorial que tenía el deber legal de actuación y las competencias necesarias para hacer frente a la pandemia de la poliomyelitis.</i> «Пострадавшие от полиомиелита и его запоздалых последствий в виде постполиомиелитического синдрома справедливо требуют правды, ведь они стали жертвами последствий решений, которые принимались в условиях отсутствия прозрачности и общественного и демократического контроля диктаторским режимом, у которого была законная власть и все необходимые компетенции, чтобы оказать сопротивление пандемии полиомиелита»</p> <p><i>En España se produjeron de manera sistemática desapariciones forzadas, ejecuciones extrajudiciales, detenciones arbitrarias, políticas de campos de concentración, trabajos forzados, torturas, violaciones.</i> «В Испании люди систематически вынужденно исчезали, происходили внесудебные казни, произвольные аресты, проводилась политика концлагерей, принудительных работ, пыток и насилия»</p>	<p>Лексика с семантикой душевных и физических страданий: <i>graves y profundas heridas</i> (серьезные и глубокие раны), <i>víctimas</i> (жертвы), <i>grandes sacrificios</i> (жертвоприношение), <i>tortura</i> (мучение), <i>sufrir</i> (страдать), <i>malos tratos</i> (плохое обращение), <i>maltrato de niños y niñas</i> (плохое обращение с детьми), <i>familias destrozadas y arruinadas</i> (сломенные и разрушенные семьи), <i>madres con sentimientos de culpabilidad</i> (матери с чувством вины), <i>secuelas físicas</i> (физические следы), <i>post-polio</i> (постполиомиелитический синдром) и др.</p> <p>Лексика с семантикой жестокости и лексики из ЛТГ «Политические преступления»: <i>violencia</i> (жестокость), <i>terror</i> (террор), <i>violación</i> (насилие), <i>secuestro masivo de recién nacidos</i> (повсеместное похищение новорожденных), <i>gravísimos crímenes</i> (тяжелейшие преступления), <i>detenciones arbitrarias</i> (произвольные аресты), <i>desapariciones forzadas</i> (вынужденные исчезновения), <i>trabajos forzados</i> (принудительные работы), <i>encarcelar</i> (арестовать)</p>
Природа жертвы	<p><i>Durante la posterior dictadura franquista se estableció un sistema político autoritario que reprimió masivamente todo atisbo de oposición política de manera sistemática y generalizada.</i> «В последующий период франкистской диктатуры установилась авторитарная политическая система, которая проводила массовые репрессии в отношении любых проявлений политической оппозиции»</p>	<p>Наименования групп, пострадавших от франкизма: <i>sindicatos</i> (синдикаты), <i>instituciones de autogobierno catalanas y vasca</i> (органы самоуправления каталонцев и басков), <i>corporaciones locales</i> (местные корпорации), <i>minorías étnicas</i> (этнические меньшинства), <i>asociaciones feministas de mujeres</i> (женские феминистские ассоциации), <i>instituciones educativas</i> (образовательные учреждения), <i>agrupaciones culturales</i> (культурные объединения), <i>oposición política</i> (политическая оппозиция)</p>

Тип репрезентации	Примеры	Языковые репрезентанты
Связь жертвы травмы с более широкой аудиторией	<p><i>La historia no puede construirse desde el olvido y el silenciamiento de los vencidos. La sociedad española tiene un deber de memoria.</i> «История не может строиться на забвении и замалчивании побежденных. Испанское общество обязано помнить».</p> <p><i>Recuerdo a cerca de medio millón de compatriotas que tuvieron que tomar el camino del exilio como consecuencia de la guerra y la dictadura franquista.</i> «Воспоминание о полумиллионе соотечественников, которые вынуждены были встать на путь изгнания как следствие войны и франкистской диктатуры»</p>	Лексика из ЛТГ «Память и забвение»: <i>memoria</i> (память), <i>olvido</i> (забвение), <i>silenciamiento</i> (замалчивание), <i>recuerdo</i> (воспоминание), <i>memorial</i> (мемориал) и др.
Возложение ответственности	<p><i>Dictador Francisco Franco.</i> «Диктатор Франсиско Франко».</p> <p><i>Las personas represaliadas o perseguidas por el uso o difusión de su lengua propia.</i> «Людей репрессировали и преследовали из-за того, что они использовали свой язык»</p>	Лексика из ЛТГ «Диктатура» в сочетании с именем каудильо: <i>dictador</i> (диктатор), <i>dictadura franquista</i> (франкистская диктатура), <i>totalitarismo</i> (тоталитаризм), <i>político autoritario</i> (авторитарный политик), <i>reprimió masivamente</i> (проводил массовые репрессии), <i>deportación</i> (депортация), <i>exilio</i> (изгнание), <i>represalias</i> (репрессии)
	<p><i>El régimen franquista siguiendo la ideología de pureza racial, posteriormente se manifestaría en una forma de represión ideológica, moral, religiosa y de género.</i> «Франкистский режим, следуя идеологии расовой чистоты, впоследствии проявился в форме идеологических, моральных, религиозных и гендерных репрессий».</p> <p><i>Secuestro masivo de recién nacidos bajo una política de inspiración eugenésica.</i> «Массовые похищения новорожденных в рамках политики, вдохновленной евгениками»</p>	Лексика из ЛТГ «Фашизм»: <i>inspiración eugenésica</i> (вдохновленные евгениками), <i>campos de concentración</i> (концлагеря), <i>nazis</i> (нацисты), <i>fascismo</i> (фашизм), <i>nazismo</i> (нацизм), <i>ideología de pureza racial</i> (идеология расовой чистоты) и др.

Возложение ответственности реализуется путем прямой атрибуции вины диктаторскому режиму (персонифицированному в образе Ф. Франко), что подкрепляется использованием лексики с семантикой тоталитаризма и проведением исторических параллелей с дискурсами фашизма и нацизма.

На третьем этапе проанализированы мемориально-символические формы рутинизации травматического опыта. Предполагается, что модус обосновывающего воспоминания материализуется в определенном пространстве – «месте памяти», а объектные источники проявления коллективной памяти служат материальным пространством манифестации культурообразующих

событий народа [5; 24–26]. Сейчас уничтожаются все мемориально-символические формы, хранящие память о франкизме (рис. 1).

Останки Франко эксгумированы в 2019 году из Долины Павших (рис. 2) и перезахоронены на кладбище Мингоррубио. Долина Павших – это построенный по приказу самого Франко мемориальный комплекс, служащий местом захоронения участников гражданской войны, как франкистов, так и республиканцев. Власти создают новые места памяти, миссией которых является разоблачение преступлений франкизма и увековечивание памяти жертв (например, *Museo Virtual de la Guerra Civil Española*).

Рис. 1. Снос последнего в Испании памятника Франсиско Франко

Fig. 1. The last monument to Francisco Franco in Spain being torn down

Рис. 2. Долина Павших в Испании

Fig. 2. The Valley of the Fallen in Spain

В 2020 году суд Испании обязал потомков Франко передать государству летний дворец Пасо-де-Мейрас, который был получен ими по наследству. Недавно инициирован процесс закрытия Национального фонда имени Франко.

Подобные действия отражают текущую идеологическую повестку – переход от политики забвения к политике памяти: власти больше не хотят замалчивать события гражданской войны и франкизма и соблюдать формальные договоренности, закрепленные в Пакте о забвении. На

фоне решительных действий, направленных на уничтожение франкистского наследия, конструируется новый господствующий нарратив.

Заключение

Исследование травмы на уровне коллективной памяти и идентичности демонстрирует, как травматические события формируют долговременные структуры общественного сознания. В этом контексте господствующий нарратив играет ключевую роль, выступая не только способом репрезентации событий, но и инструментом их осмысления.

При помощи языка травмы в господствующем нарративе репрезентация прошлого представляет собой не просто нейтральное или документальное воспоминание, она является символической реконструкцией, в которой события интерпретируются, переосмысляются и эмоционально окрашиваются в зависимости от актуальных потребностей говорящего, а впоследствии закрепляются в коллективной памяти народа в процессе рутинизации. Акторы коллективной памяти создают упорядоченную картину мира, где их позиция представляется морально оправданной и исторически обоснованной.

Устные формы рутинизации изученной культурной травмы отражают неоднозначную, основанную на личном или семейном опыте оценку событий, а письменные институционализованные формы содержат исключительно негативную репрезентацию режима и актуализируют идею о необходимости перехода к политике памяти после многолетнего курса забвения. При рутинизации травматического опыта в символических мемориальных формах наблюдается исключение всех сохранившихся предметов культуры прошлого, связанных с личностью каудильо, из социально-мемориального каркаса коллективной памяти испанцев. Вместе с тем коммеморация проявляется в новых символических формах, увековечивающих воспоминания о жертвах гражданской войны, которая выступает важным узлом в коллективной памяти о франкизме.

Доминирующий нарратив о франкизме обнажает травмирующие паттерны, ставшие основой новой испанской коллективной идентичности, строящейся на демократических ценностях свободы, равенства, гласности и

многопартийности. Перспективен анализ форм рутинизации травматического опыта в коллективной памяти представителей других лингвокультур, на самоидентификацию которых оказали влияние фашистские идеологии.

Список литературы

1. *Smelser N.J. Psychological Trauma and Cultural Trauma // Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 31–59. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0002>*
2. Горностаева Ю.А. Языковые маркеры культурной травмы в нарративах социальных страданий (на материале нарративов мексиканцев об испанской конкисте) // Вестн. МГПУ. Сер.: Филология, теория языка, яз. образование. 2023. № 3(51). С. 130–146. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.11>
3. *Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity // New Ger. Crit. 1995. № 65. P. 125–133. <https://doi.org/10.2307/488538>*
4. *Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 368 с.*
5. *Šubr J., Pfeiferová Š. Kolektivní paměť jako předmět historicko-sociologického bádání // Historická sociologie. 2010. Vol. 2. P. 9–29. <https://doi.org/10.14712/23363525.2017.62>*
6. *Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 346 с.*
7. *Alexander J.C. Toward a Theory of Cultural Trauma // Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 1–30. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0001>*
8. *Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 316 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511488788>*
9. *Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity // Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 60–111. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0003>*
10. Шагоян Г.А. Культурная vs коллективная травма: мемориализация советских репрессий в постсоветской Армении по модели памяти о геноциде // Сиб. ист. исслед. 2021. № 2. С. 73–98. <https://doi.org/10.17223/2312461X/32/4>
11. *Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2020. 664 с.*
12. *Giesen B. The Trauma of Perpetrators: The Holocaust as the Traumatic Reference of German National Identity // Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 112–154. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0004>*
13. *Раевская М.М. Коммеморация в дискурсе современного испанского монарха: языковая объективация и коммуникативно-прагматический контекст // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2025. Т. 28, № 3. С. 120–136. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-7>*
14. *Балан Е.Г. Языковая репрезентация культурно-исторической памяти в концептосфере испанского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 152 с.*
15. *Алексеева Т.А. Диктатура Франко: становление и своеобразие последующей революции // Государство и право. 2008. № 11. С. 87–97.*
16. *García de las Heras González M. La impunidad de la dictadura franquista: Notas sobre la represión y la memoria histórica en la España democrática // Reflexión Política. 2019. Vol. 21, № 43. P. 36–48. <https://doi.org/10.29375/01240781.3707>*
17. *Sánchez Recio G. Dictadura franquista e historiografía del franquismo // Bull. Hist. Contemp. Esp. 2017. № 52. P. 71–82. <https://doi.org/10.4000/bhce.308>*

18. Хенкин С.М. Испания: полемика вокруг исторической памяти // Контуры глобал. трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 4. С. 72–87. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-4-72-87>
19. Кузина Н.А. Каталонская культура: проблемы сохранения идентичности в период диктатуры Франсиско Франко // Латиноамер. ист. альм. 2020. № 28. С. 285–299.
20. Филатов Г.А. Эволюция образа Франсиско Франко в испанских киноновостях «No-Do» // Науч. диалог. 2015. № 12(48). С. 363–373.
21. Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время. М.: Алгоритм, 2014. 350 с.
22. Гранцева Е.О. Закон о демократической памяти в Испании: попытка консолидации или новая фаза конфликта? // Латиноамер. ист. альм. 2022. № 36. С. 76–111. <https://doi.org/10.32608/2305-8773-2022-36-1-76-111>
23. Пейн С.Дж. Франко: исторический профиль. М.: Тотенбург, 2024. 326 с.
24. Головашина О.В. Исторический факт как место памяти: П. Нора и исследования локального прошлого // Tempus et Memoria. 2022. Т. 3, № 2. С. 6–12. <https://doi.org/10.15826/tetm.2022.3.032>
25. Mussatayeva F., Yermagambetova K.S. The Concept of “Places of Memory” by Pierre Nora: Practices of Commemoration // J. Philos. Cult. Polit. Sci. 2022. Vol. 80, № 2. P. 92–101. <https://doi.org/10.26577/jpcp.2022.v80.i2.09>
26. Дмитриева О.О., Туманова М.М., Широков О.Н. «Место памяти/lieux de memoire» как механизм сохранения исторической памяти общества // Ист. поиск. 2023. Т. 4, № 2. С. 73–81. <https://doi.org/10.47026/2712-9454-2023-4-2-73-81>

References

1. Smelser N.J. Psychological Trauma and Cultural Trauma. Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, 2004, pp. 31–59. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0002>
2. Gornostaeva Yu.A. Linguistic Markers of Cultural Trauma in Social Suffering Narratives (Based on Mexican Narratives About the Spanish Conquest). *MCU J. Philol. Theory Linguist. Linguist. Educ.*, 2023, no. 3, pp. 130–146 (in Russ.). <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.11>
3. Assmann J., Czaplicka J. Collective Memory and Cultural Identity. *New Ger. Crit.*, 1995, no. 65, pp. 125–133. <https://doi.org/10.2307/488538>
4. Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Munich, 1992. 344 p. (Russ. ed.: Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. Moscow, 2004. 368 p.).
5. Šubrt J., Pfeiferová Š. Kolektivní paměť jako předmět historicko-sociologického bádání. *Historická sociologie*, 2010, vol. 2, pp. 9–29. <https://doi.org/10.14712/23363525.2017.62>
6. Halbwachs M. *Les cadres sociaux de la memoire*. Paris, 1994. 367 p. (Russ. ed.: Khal'bvaks M. *Sotsial'nye ramki pamyati*. Moscow, 2007. 346 p.).
7. Alexander J.C. Toward a Theory of Cultural Trauma. Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, 2004, pp. 1–30. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0001>
8. Eyerman R. *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity*. Cambridge, 2001. 316 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511488788>
9. Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, 2004, pp. 60–111. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0003>
10. Shagoyan G.A. Kul'turnaya vs kollektivnaya travma: memorializatsiya sovetskikh repressiy v postsovetskoy Armenii po modeli pamyati o genotside [Cultural vs. Collective Trauma: The Memorialization of Soviet Repression in Post-Soviet Armenia Modeled on Genocide Remembrance]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2021, no. 2, pp. 73–98. <https://doi.org/10.17223/2312461X/32/4>
11. Sztompka P. *Socjologia. Analiza spoleczeństwa*. Kraków, 2002. 653 p. (Russ. ed.: Shtompka P. *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva*. Moscow, 2020. 664 p.).
12. Giesen B. The Trauma of Perpetrators: The Holocaust as the Traumatic Reference of German National Identity. Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, 2004, pp. 112–154. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0004>

13. Raevskaya M.M. Commemorative Practices of the Modern Spanish Monarchy: Linguistic Objectification and Communicative-Pragmatic Context in Felipe VI's Speeches. *Lomonosov Linguist. Intercult. Commun. J.*, 2025, vol. 28, no. 3, pp. 120–136 (in Russ.). <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-7>

14. Balan E.G. *Yazykovaya reprezentatsiya kul'turno-istoricheskoy pamyati v kontseptsfere ispanskogo yazyka* [Linguistic Representation of Cultural and Historical Memory in the Conceptual Sphere of the Spanish Language: Diss.]. Moscow, 2023. 152 p.

15. Alekseeva T.A. Diktatura Franko: stanovlenie i svoeobrazie posleduyushchey revolyutsii [Franco's Dictatorship: Its Formation and the Subsequent Revolution]. *Gosudarstvo i pravo*, 2008, no. 11, pp. 87–97.

16. García de las Heras González M. La impunidad de la dictadura franquista: Notas sobre la represión y la memoria histórica en la España democrática. *Reflexión Política*, 2019, vol. 21, no. 43, pp. 36–48. <https://doi.org/10.29375/01240781.3707>

17. Sánchez Recio G. Dictadura franquista e historiografía del franquismo. *Bull. Hist. Contemp. Esp.*, 2017, no. 52, pp. 71–82. <https://doi.org/10.4000/bhce.308>

18. Khenkin S.M. Spain: Controversy Around Historical Memory. *Outl. Glob. Transform. Politics Econ. Law*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 72–87 (in Russ.). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-4-72-87>

19. Kuzina N.A. Katalonskaya kul'tura: problemy sokhraneniya identichnosti v period diktatury Fransisko Franko [Catalan Culture: Problems of Identity Preservation During the Dictatorship of Francisco Franco]. *Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manakh*, 2020, no. 28, pp. 285–299.

20. Filatov G.A. Evolyutsiya obraza Fransisko Franko v ispanskikh kinonovostyakh “No-Do” [Evolution of Francisco Franco Image in Spain “No-Do” Cinema Newsreels]. *Nauchnyy dialog*, 2015, no. 12, pp. 363–373.

21. Pozharskaya S.P. *Fransisko Franko i ego vremya* [Francisco Franco and His Time]. Moscow, 2014. 350 p.

22. Grantseva E.O. Zakon o demokraticheskoy pamyati v Ispanii: popytka konsolidatsii ili novaya faza konflikta? [The Law of Democratic Memory in Spain: An Attempt at Consolidation or a New Phase of Conflict?]. *Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manakh*, 2022, no. 36, pp. 76–111. <https://doi.org/10.32608/2305-8773-2022-36-1-76-111>

23. Payne S.G. *Franco: El perfil de la historia*. Madrid, 1992. 276 p. (Russ. ed.: Peyn S.Dzh. *Franko: istoricheskiy profil*). Moscow, 2024. 326 p.).

24. Golovashina O.V. Istoricheskiy fakt kak mesto pamyati: P. Nora i issledovaniya lokal'nogo proshlogo [Historical Fact as a Place of Memory: P. Nora and Research into the Local Past]. *Tempus et Memoria*, 2022, vol. 3, no. 2, pp. 6–12. <https://doi.org/10.15826/tetm.2022.3.032>

25. Musatayeva F.M., Yermagambetova K.S. The Concept of “Places of Memory” by Pierre Nora: Practices of Commemoration. *J. Philos. Cult. Polit. Sci.*, 2022, vol. 80, no. 2, pp. 92–101 (in Russ.). <https://doi.org/10.26577/jpcp.2022.v80.i2.09>

26. Dmitrieva O.O., Tumanova M.M., Shirokov O.N. “Mesto pamyati/lieux de memoire” kak mekhanizm sokhraneniya istoricheskoy pamyati obshchestva [“Memory Spaces/lieux de memoire” as a Mechanism for Preserving the Historical Memory of a Society]. *Istoricheskiy poisk*, 2023, vol. 4, no. 2, pp. 73–81. <https://doi.org/10.47026/2712-9454-2023-4-2-73-81>

Информация об авторе

Ю.А. Горностаева – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (адрес: 660018, г. Красноярск, просп. Свободный, д. 82а).

Information about the author

Yuliya A. Gornostaeva, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. at the Department of the Theory of Germanic and Romance Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University (address: prosp. Svobodnyy 82a, Krasnoyarsk, 660018, Russia).

Поступила в редакцию 11.08.2025
Одобрена после рецензирования 19.12.2025
Принята к публикации 22.12.2025

Submitted 11 August 2025
Approved after reviewing 19 December 2025
Accepted for publication 22 December 2025